

ОГЛАВЛЕНИЕ

I	5
II	30
III	45
IV	72
V	101
VI	119
VII	134
VIII	158
IX	174
X	191
XI	208
XII	226
XIII	238
XIV	258

I

Опекун приехал за час до начала похорон.

Люди, собравшиеся в доме, напоминали Мие огромных ворон. Вот они ходят, вот важно кланяются друг другу, а сейчас вот приближаются к Мие и берут ее за руку.

Мне очень жаль, дорогая. Такая потеря, дорогая. Будьте сильной, дорогая...

Клишированные фразы шелестели, будто осенние листья под ногами.

Мие казалось, что все это ненастоящее. Люди, два темных закрытых гроба, слуги, которые разносят ритуальные стопки с водкой, она сама — лишь отражения в старом зеркале, которое висит на стене гостиной, и в нем еще виднеются тени ее родителей, далекие оттиски — беззвучные, утратившие память. Уши заполнял шум, Мия кивала, периодически дотрагивалась до уголка глаза сложенным носовым платком и надеялась, что удержится на ногах, чтобы не рухнуть на паркет.

Слабость окутывала ее, словно саван. В городе свирепствовала лихорадка, Мия перенесла ее довольно легко, а вот родители не смогли побороть болезнь. Все случилось настолько неожиданно и жестоко, что Мие

ДЕЛЛА ХАЙС

до сих пор казалось, будто мать вот-вот выйдет из дверей гостиной и отругает ее за неправильную осанку.

«Мия! — ее рассерженный голос треснутым колокольчиком звенел в памяти. — Держи спину ровно, невыносимая девчонка! Кто возьмет тебя замуж, если у тебя вырастет горб?»

Пусть бы ругалась, сколько хотела, пусть бы даже ударила — лишь бы была жива. Чувство потери было ознобом и иглами прямо под кожей, и Мия не знала, как с ним справиться. Оно было готово вот-вот раздавить ее.

Среди вороньей черноты мелькнули серебро и темно-синий — длинный дорогой плащ, и чей-то голос произнес справа:

«Приехал господин Оливер».

Мия кивнула, развернулась к синему пятну, радуясь, что сейчас можно обойтись без улыбок. Сквозь лед, окутавший ее душу, пробился страх.

Оливер Гринн был каким-то невероятно дальним родственником ее отца, он жил на севере, и Мия никогда не встречалась с ним. Отец иногда говорил, что если она не будет послушной, то он отдаст ее дяде Оливеру в ледяные земли Крысиного короля — тогда Мия замирала от страха и послушно делала все, что было велено. Оливер казался ей старым уродливым чародеем в лохмотьях, живущим в темном замке на краю пропасти, — и сейчас она удивилась, увидев его своими глазами. Еще молод, не старше сорока пяти, одетый дорого и со вкусом, с идеальной осанкой и подчеркнuto серьезным, даже трагическим выражением на скуластом светло-

ТРОПА КРЫСИНОГО КОРОЛЯ

кожем лице, он был похож не на колдуна, а на актера, который выходит на сцену, оставив самого себя глубоко за шторами кулис. Бледно-голубые глаза смотрели на Мию с цепким интересом, тонкий длинный нос пересекал едва заметный шрам, и все лицо казалось каким-то острым: тронь — и лишишься пальцев.

Опекун явно хранил какие-то тайны, и их не надо было разгадывать.

— Здравствуйте, Мия, — негромко произнес Оливер. В голосе, приятном и спокойном, прозвучало искреннее сочувствие. Мия протянула ему руку, опекун легонько сжал ее пальцы, и ей показалось, что от его ладони растекаются едва уловимые ручейки холода, оплетают ее запястье, забираются под рукав траурного платья. — Соболезную вашей потере. Мой брат... — он обернулся к гробам, и Мия сказала:

— Барревильская лихорадка. Здравствуйте, господин Гринн. Все было так быстро, что я не могу осознать это и прийти в себя.

— Я с вами, — откликнулся Оливер, и его голос прозвучал тепло и сердечно. — Вы не одна.

Кажется, в эту минуту все, собравшиеся здесь, чтобы проводить чету Хиденбрандт в последний путь, устали на них. Даже негромкий шепот разговоров стих. Всем было интересно, как выглядит тот, кто заберет сироту на север — и заодно все, что ей причитается. Семейный адвокат — вот он, осушил очередную поминальную стопку, держа в руке тарталетку с икрой на сливках, — вчера сказал, что до ее вступления в законный брак распоряжаться всем наследным имуще-

ством будет господин Гринн. Мия лишь кивнула — ей было все равно.

Когда родители умерли, она словно заледенела в своем горе. Слезы и крик застыли в ней, закаменели глыбами прозрачного голубого льда на душе — и Мия не плакала, не кричала, не билась в истерике. Да, родители умерли. Да, теперь дальний родственник ее отца приедет и увезет ее с собой. Что-то еще? Может быть, чашку чаю — ну или что там должна говорить барышня из приличной семьи в таком случае?

Это помогало ровно до тех пор, пока она не спустилась в гостиную и не увидела гробы, слуг в траурных камзолах и собравшихся гостей. Тогда ледяной панцирь захрустел и пошел трещинами. Издалека доносился тихий голос губной гармошки.

Призраки родителей в зеркалах отступили и беззвучно растворились в холодной глубине. Ушли — не удержать, не вернуть, не дозваться. Мие хотелось кричать.

— Отец говорил, что вы живете на землях Крысиного короля, — сказала Мия и уже после подумала, что в очередной раз с ее губ сорвалась какая-то недостойная глупость. Благородной девице не стоит говорить о такой ерунде, особенно на похоронах родителей. Оливер едва заметно улыбнулся. В бледном взгляде мелькнул интерес, словно Мия сумела удивить его.

— Верно, — кивнул опекун. — По легенде, Крысиный король когда-то жил в моем замке. Вас это пугает?

Теперь среди черного мелькнуло красное: пришел священник в торжественном алом облачении. Мальчики-служки семенили за ним и несли золотые чаши

ТРОПА КРЫСИНОГО КОРОЛЯ

для отпевания, скоро в них бросят ароматные комочки благовоний и подожгут. Люди расступились, пропуская слуг: те подняли гробы и медленно понесли к выходу — словно лодки по темному морю туда, откуда еще никто не возвращался.

— Нет, — едва слышно откликнулась Мия.

Оливер чуть сильнее сжал ее руку, осторожно повел за гробами, и Мие показалось, что это не похороны, а жертвоприношение — архаическое, тягостное, — и древние слепые боги смотрят на них из-под земли, водят безносыми черными лицами, ищут то, что хоть на мгновение может вернуть их к жизни. Они вышли из дома в зиму, в похрустывающий морозный воздух, пахнущий сеном и собачьей шерстью, к низкому серому небу, и Мия увидела, как слуги осторожно ставят гробы в катафалк. Черно-золотые султанчики на головах лошадей искрились снежинками.

— Держитесь, — негромко посоветовал Оливер. — Мы уезжаем сразу после похорон, постарайтесь не плакать до этого. Не рвите себе сердце, особенно на глазах у всех.

— Почему? — невольно спросила Мия.

— Потому что именно этого от вас и ждут, — ответил Оливер, и Мия вновь не поняла, что он имел в виду.

Все прошло довольно быстро: Мие казалось, что она спит наяву и видит сон. В памяти остались лишь красные ягоды рябины, которая низко склонила ветви над чернотой вырытых ям. Мия смотрела на нее, и ей казалось, что она чувствует горечь загустевшего ягодного сока на губах.

ДЕЛЛА ХАЙС

Мама. Отец. Их больше нет — пришел Крысиный король, выгрыз их души из сожженных лихорадкой тел, и все закончилось. Мие хотелось проснуться в какой-нибудь другой, светлой и чистой жизни, но она понимала, что ничего другого у нее больше не будет.

В какой-то миг ей стало легче. Гробы опустили в могилы, бросили туда хлеб и плеснули вина — старый обычай, еще языческий, требовал накормить души, чтобы они не пришли тревожить живых. Священник недовольно посмотрел на Мию, которая негнушима пальцами крошила хлеб на крышку отцовского гроба, но ничего не сказал.

Крысиный король придет подземными путями, съест хлеб и выпьет вино. А потом отправится далеко-далеко на север, в свой замок, и будет ждать Мию в глубинах всех зеркал. «Незачем смотреться так часто, а то он тебя увидит», — бывало, говаривал отец, который не хотел, чтобы его единственная дочь стала кокеткой, не отходящей от зеркала.

— Мия?

Только теперь, обернувшись на Оливера, который все это время стоял у нее за спиной, Мия поняла, что наконец смогла заплакать.

Служанки суетились, собирая вещи.

Мия сидела на краю кровати. Вот и все, они вернулись с похорон, Оливер сейчас решит последние бюрократические вопросы с адвокатом, и они уедут. Вернется ли она когда-нибудь в родительский дом? Кто

ТРОПА КРЫСИНОГО КОРОЛЯ

знает. Может, Оливер выдаст ее замуж за кого-нибудь из своих знакомых, может, Мия просто сгинет в землях Крысиного короля. Сейчас у нее не было сил думать об этом.

Незамужней девице, которая осиротела, полагается опекун — таков порядок. Вот и все.

Когда они выходили из кладбища, к Оливеру подбежал старый сумасшедший нищий — опекун бросил ему монетку, тот поймал ее на лету и забормотал: «Красные деньги, ледяные деньги». Когда Мия вспоминала об этом, то ей становилось не по себе, словно она стояла на самом краю крыши и в любой момент могла сорваться вниз.

«Я уже сорвалась, — напомнила она себе. — Я похоронила своих родителей и все еще продолжаю падать».

— Миледи? — окликнула ее Клара, одна из служанок. Обычно веселая и болтливая, в эти дни она хранила суровую сосредоточенность и говорила только по делу. — Я положу ваши летние платья в этот чемодан.

Не оборачиваясь, Мия кивнула. Вот и все. В комнате оставался мольберт — до болезни Мия рисовала зимний сад, снегирей и гроздь рябины, но теперь не думала, что когда-нибудь еще возьмется за кисть. На столе лежали тетради — обычные, ученические, старательно разлинованные. Еще совсем недавно Мия писала в них рассказы: простенькие, девичьи — о животных, привидениях, первой любви, которой она не знала. Теперь все это не имело никакого смысла. Наивные истории и рисунки не смогут ее защитить там, где страшные сказки становятся правдой.

